

18+

ПОЛИНА КОРН

АКАДЕМИЯ
МАГИЧЕСКИХ
ПУТЕЙ
• ПРИБЫТИЕ •

Полина Корн

Академия Магических Путей. Прибытие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68795217

SelfPub; 2023

Аннотация

Я почти погибла, но ступила на колдовскую Тропу. Оказалась в Академии Магических Путей и обманула всех, притворившись, что мой дар гораздо слабее, чем есть на самом деле. И все же... лордов-проводников не так легко одурачить, особенно, когда паутина лжи становится все запутанней. – До конца первого курса вы должны выбрать себе защитника, что сбережет вас на Тропах, – холодно заметил декан факультета проводников, лорд Кантор Нэрт, сверкнув ледяными глазами. Но что если... Что если мужчины вызывают лишь страх? А сердце и дар подсказывают мне невозможное? Выбрать троих. Включая и этого самоуверенного занудного проводника.

Содержание

Глава 1. Морковка и чучело	4
Глава 2. Ведьмина дочь	14
Глава 3. Волчьи когти	23
Глава 4. Не ступай на тропу, не кликай беду	32
Глава 5. Новый Путь	41
Глава 6. Когда страхи оживают	50
Глава 7. Лорд Нэрт	60
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Полина Корн

Академия Магических Путей. Прибытие

Глава 1. Морковка и чучело

– Анишка, ты должно быть, спятила, раз столь смело рассуждаешь о ходящих, – сказала подруге, жившей в соседнем дворике.

– А что я такого сказала, Виталина? Их не видели уже сотни лет. Говорят, Тропы давно исчезли, растворились за ненадобностью, рассыпались от времени и покрылись не только мхом, но и самой пылью Забвения, – ответила розовощекая пышка, задумчиво переплетая косу. Она стояла посреди двора, облокотившись на покосившийся забор.

– Это у нас в деревне все Тропы давно растворились, а вот в столице все иначе. – Я поковыряла выдавший виды забор.

В чем-то я понимала Анишку. В нашей глуши никогда не происходит ничего интересного, но папенька мой, ранее состоявший на службе в столице, имел некоторые связи и часто рассказывал новости. Порой от этих новостей волосы на голове начинали шевелиться и вставать дыбом. И он в очередной раз напоминал мне надеть магическую линзу на ле-

вый глаз.

– Конечно-конечно, кому как не дочке самого Сэнса знать об этом. – В голосе подруги послышался плохо скрываемый скептицизм. – Враки это все. Не существует никаких Троп, и правительство просто покрывает шайку якобы одаренных людей, стремящихся к власти.

Моего отца в деревне Новое Перепутье недолюбливали. Отчего? Потому что он как-то появился здесь с младенцем на руках и отказывался говорить о прошлом. Лишь смотрел грустным взглядом куда-то в даль.

Со временем он освоился. Крепкий, сбитый основательно мужик всегда мог найти работу в небольшой деревне. Там помог забор справить, там – дрова наколоть. Устроился лесорубом и часто приносил мне, своей малышке, разные дары из темной чащи. Бывало, шишечку размером с куриное яйцо. Отколупнешь деревянный лепесток – а под ним орешек в твердой скорлупке. Вкусный, с травяным запахом и липкой смолой по краю.

– Только в лес не ходи, Вита, там и звери разные и... много всего запретного... – говорил отец. – И линзу... надевай. Обязательно. Не нужно деревенским видеть твои глаза.

Вот и сейчас я привычно посмотрела в ноги, боясь, что Анишка заметит, как под ярким солнцем второй глаз становится зеленым и сквозь линзу проглядывает истинный цвет. Но девушка была слишком занята рассуждениями о мировом заговоре.

– Я думала, ты мне подруга. – Я обиженно отвернулась, напоминая соседке о правилах приличия.

– Подруга, конечно, – донеслось из-за спины неуверенное высказывание. Здесь я уже совсем напряглась, понимая, что оскорбление отца и поведение Анишки явно как-то связаны.

– А ну выкладывай, – резко обернулась, успев поймать испуганный взгляд.

– Да ладно тебе, Вита, это все просто слухи... глупые сплетни... – Она сделала защитный жест ладонями, словно отпихивая меня.

– Просто слухи? Что они снова придумали, признавайся! – Речь шла о стайке местных ребят, постоянно соревнующихся между собой в остроумии и отваге.

Анишка замешкалась, оглянулась, будто ожидая подмоги или любого предлога избежать разговора. Но никто не собирался спасти хитрую соседку. Во дворе лишь паслись козы, да слышно было гаканье гусей. Так что она повинно опустила голову и рассказала:

– Мальчишки. Снова сделали твое чучело и повесили в лесу на елке. Говорят, ночью у куклы глаза светились зеленым. Ведьмовской огонь...

– Что за глупости? У меня же разные глаза! Один только зеленый, один! – Я тыкнула в лицо, чтобы это продемонстрировать. Анишка присмотрелась и нехотя кивнула.

– Но ты же знаешь... твои волосы...

– Рыжие, – подсказала, закончив фразу за подругу.

– Огненно-рыжие. Прямо как в страшных сказках про ходящих. Отворяющие все были с яркими, почти красными волосами, – шепотом сказала Анишка, пряча взгляд в колени.

Я задумалась. С одной стороны, подруга права, и с каждым годом моя шевелюра становилась все более выделяющейся на общем фоне русских деревенских ребят. Самое паршивое – у отца волосы вообще смоляными, почти как крыло самого черного ворона на местном кладбище. Но с другой стороны – глаза у меня не зеленые. По крайней мере, не все...

– Я вас не понимаю, – не выдержала глупых рассказней Анишки. – Сначала ты говоришь, что ходящих не существует, а Тропы – один большой миф, а потом ребята делают мое чучело и врут, что у того светятся глаза!

– Ну мы же «темные», так Сэнс всегда говорил. А значит, и верим в разное... – проямлила Анишка, накрутив на палец волнистую белую прядь.

– Решено, пойду сниму это чучело. А то не дай бог действительно поверите, что я та самая Отворяющая.

Я смахнула волосы с лица. Они непослушной волной снова съехали на глаза. Покачала головой. Так было всегда. Я постоянно страдала из-з своей примечательной внешности. И отец уперся и не желает переезжать в другое место. Мол, у нас тут и домик справный, и хозяйство...

Но что-то мне подсказывало – это лишь отговорки. Сэнс Ирнол просто не хотел уезжать из этой, самим Светлым за-

бытой глуши.

– Не ходи в лес, тебе же папенька запрещает! – крикнула мне вслед Анишка, но босые ступни уже несли меня к краю поселения: вдоль приземистых покосившихся домиков, мимо дворов с коровками и курочками, кудахтавшими свою песню. К самой границе с исполинскими деревьями.

Здесь мягкая трава смешивалась с иголками, еще по зиме слетевшими с вечнозеленых сосенок, и мягко покалывала ступни. Небольшая тропинка, служившая местным и торговым трактом, и просто протоптанным путем в лес за дичью да ягодами, петляла среди деревьев, уходя дальше в чащу, скрываясь среди густой растительности внизу.

Таковыми странными здесь были деревья. Темными. Недружелюбными. Папа учил меня по книгам, которые привозил из Ванэма, нашей столицы. Там описывались различные растения и все разнообразие флоры и фауны в Империи Ходящих. Среди мирных страниц со множеством описаний спокойных травок встречались и страшные, пугающие до мурашек главы о тварях из Троп. Их я пролистывала как можно быстрее, не сильно вглядываясь в иллюстрации. Вот и сейчас, глядя на тихий летний лесок, сквозь густые кроны которого не проникал даже малейший лучик света, я почувствовала, как в висках колотится пульс, а руки нервно подрагивают от страха.

– О, Морковка пришла! – донеслось сбоку издевательское прозвище.

Конечно! Кто бы еще мог меня здесь подкарауливать? Только Ренур, сын старосты. Избалованный вниманием чернявый парень. Я старалась не пересекаться с ним и все больше сидела дома над книгами и работала в саду, чем гуляла с местными. Но вот моим ровесникам стукнуло по восемнадцать лет, и юношеская кровь особенно сильно ударила в голову. Они и раньше не были спокойными. К сожалению, последнюю пару месяцев словно с цепи сорвались...

Девчонки частенько щебетали по кустам, сидя вечерами на общей поляне, где собиралась молодежь поболтать и поприглядываться друг к другу. А парни, как я слышала, околачивались днем на речке, подсматривая за купающимися девицами.

– Почему на берег не ходишь, Витка? – Ренур выступил из-за толстого ствола хвойного дерева. – Неужели Сэнс хочет, чтобы ты осталась старой девой?

Его вопрос поддержал стройный гогот еще двух парней. Лаврик и Силк. Настоящая неуправляемая банда из трех горячих голов. Никто из них не был мне мил, даже на самую малую капельку. Но по взглядам, скрестившимся на моем простом сарафане, я поняла: нужно срочно возвращаться в деревню. Как бы до плохого не дошло. Но как же чучело?

Я вглядывалась за спины парней, чтобы понять, где же висит эта кукла... Однако видела только голые стволы. Занервничала сильнее и сделала шаг назад, босой пяткой попав на острую шишку.

– Что делать мне на вашем берегу? – решила заболтать ребят, потихоньку отступая назад. Нельзя мне в лес. Нельзя. И как только додумалась прийти сюда? А все Анишка, соседка, подсобила... Я вспомнила слегка виноватый взгляд блондинки, и все встало на свои места. Да это парни ее подговорили! Знала же, что ей нравится старостин сын, и все равно поверила, глупая!

– Как что, Морковка? Себя показать и других посмотреть, – хохотнул Лаврик, демонстрируя рубаху с расхлябанным воротом до середины пупа. И даже не потрудился прикрыться, гад!

У него была бледная безволосая грудь, обвитая жилами. Никто из деревенских не чурался работы, поэтому мужики здесь были сильными. А в восемнадцать лет парни активно присматривали себе невест. Только год выдался «неурожайный», и девушек было всего пять. Я, Анишка, Зорька с горбом на спине, Манька, полненькая и низенькая дочка пекаря, и Авдотья, племянница старосты. Так что выбор у парней небогатый. Подозреваю, именно по этой причине я здесь и оказалась. В темной чаще леса за спинами парней мне привиделась пара чьих-то льдистых глаз. Зверь? Я сделала еще шаг назад, беспокойно наблюдая за юношами.

– Чего я там не видела? – огрызнулась на них, все дальше пятясь. Там всего-то до основной дороги рукой подать, если побегу, может, и успею до домов дотянуться.

Ренур громко гаркнул.

– Ты, может, и видала, а мы нет. И посмотреть охота сильно... – Сын старосты даже не скрывал намерений и хватанул рубашку за спину, стягивая через голову.

Ну нет! Живой не дамся! Я всхлипнула и, потеряв всякую надежду договориться, припустила домой со всех ног. До чего дошли, гады! И отца моего не боятся, и взгляда колдовского, о котором сами шепчутся на каждом углу. В ступни больно впивались камни и разный мусор, ребята же были в лаптях и бежали гораздо быстрее. Спасал меня только запас, что был от кромки леса до края полянки, где я стояла.

Рыжая непослушная волна волос лезла в лицо, гонимая северным ветром, словно стараясь помешать убежать от преследователей. За спиной слышались ругательства и другие крики-подначки.

– Поймаю и сделаю своей, Морковка, так и знай! – заливался в спину Ренур, подбадриваемый дружками. Еще несколько метров...

Но я не успела. Чье-то тяжелое тело навалилось сверху, как мешок картошки. Сарафан задрался до бедер, оголив ноги. Он перевернул меня на спину и зло посмотрел в лицо:

– Сбежать думала, ведьмина дочь? – Сильные руки стали бесстыдно шарить по телу.

Я брыкнулась и взглянула в сторону домов. Вдалеке виднелся силуэт девушки со светлыми волосами. Анишка! Еще и наблюдает! Никогда ей не прощу этого, никогда! Я всхлипнула, заметив, что остальные двое стоят над нами и голод-

ными глазами исследуют открывшееся им зрелище. Ренур рванул ворот моего простого платья, оголяя грудь. Надеюсь прикрыться, но все тщетно. При попытке закричать рот накрыла чужая грязная ладонь. Сердце колотилось бешено. Неужели все будет вот так? Мой первый раз... Из глаз брызнули слезы. Я проморгалась, терпя противные прикосновения. Пальцы сына старосты уже сдернули простые панталоны и жадно хватали бедра, оставляя на них синяки. Чужое колено развело ноги в стороны, и тяжелое тело навалилось сверху, тычась в меня...

Линзу смыло слезами, и я бросила бессмысленный взгляд в чашу деревьев. Лес изменился. Он дышал какой-то силой, неизведанной, страшной и мрачной. И яркие голубые глаза мелькнули перед моим лицом. В следующий миг на кожу хлынули брызги крови. Ренур обмяк, я со страху сбросила его с себя и села, пытаюсь понять, что происходит. На поляне стоял зверь. Он чем-то напоминал волка, но был крупнее, и лапы его венчали огромные золотые когти. Дружки сына старосты с криками убегали в деревню, а я как замороженная смотрела на своего спасителя.

Зверь повел носом, принялся и в один мощный прыжок возник напротив. Его шерсть переливалась серебром и белым жидким золотом. Таинственно поблескивала на полуденном солнце. Он точно вышел из леса.

– С-спасибо, – сбивчиво поблагодарила, не зная, что делать дальше. Попытаюсь уйти – догонит без сомнений. А мо-

жет, и вовсе захочет съесть меня. Но зверь стоял, просто при-
нюхиваясь и наблюдая. Сынок старосты был тем еще выро-
дком, но из его спины хлестала кровь, и я оторвала подол пла-
тья, под напряженным взглядом волка перевязала глубокую
рану от когтей. Теперь там точно останутся шрамы.

– Ты сильно его ранил, – посетовала на жестокость ра-
зумного гостя. В его льдистых глазах светился интеллект. И
каждый человек, выросший среди животных, различает по
взгляду ум скотины. Иногда и коровы попадаютя совсем
глупые – только на убой пускать, и кошки бывают ленивые,
мышей не хотят ловить, но этот волк... он точно был умным.
Пугающе.

И не спешил уходить. Прошелся по мне взглядом, задер-
жался на распахнутом вороте платья, который я быстро со-
брала, стесняясь зверя. Это смущение было иррациональ-
ным, диким. Но я ничего не могла с собой поделывать. Таким...
откровенным мне показался взор волка. Черный нос прибли-
зился к моему лицу. Вдохнул. Спустился вдоль шеи. Вдруг
розовый язык лизнул мои руки. Влажно и горячо. И... томи-
тельно. Так, что внизу живота все напряглось, ранее безраз-
личное к поползновениям Ренура. Что за наваждение?!

Я потрясла головой.

За спиной слышались какие-то звуки. Людской гомон
и крики. Я повернулась, заметила старосту и пару бабок, бе-
жавших сюда в сопровождении Лаврика и Силка. А когда
хотела уже прогнать волка, его и след простыл.

Глава 2. Ведьмина дочь

Раненый парень застонал, и отец тут же кинулся к сыну, осматривая пропитанные кровью повязки. Бабки закудахтали, как насадки, причитая о судьбе молодца.

– Как же так-то, наш Ренурчик, наш сильный, красивый парень, и кто его так?..

Тут до прибывших дошло, что нужно осмотреть место, где сыночек старосты и получил эти раны. По траве разлетелись алые брызги, трава примята, одежда моя похожа на несуразные тряпки. И руки дрожат от пережитого. Высокий мужчина недовольно глянул на мой подол, разорванный ворот и, кажется, все понял, но предпочел сделать вид, что ничего не было.

– Опять Виталина! И почему я не удивлен?! – рявкнул Дранк, староста. – Разве отец не запретил тебе ходить к лесу?

– Запретил, – понуро опустила голову, сама думая при этом про зверя и его горячий язык.

Не глупый пес, а жестокий убийца выглянул сегодня на поляну. И спас меня. В этом нет сомнений. Только вот как он заметил происходящее, как понял, что я нуждаюсь в помощи? И так ли опасны эти загадочные твари... Пока от деревенских вреда было гораздо больше. Сколько тычков и шелбанов я переживала в детстве, и вот теперь, когда, подобно невзрачной гусенице, окуклилась и распустила крылья, моя

внешность и доверчивость снова сыграли не в пользу хозяйки.

– Кто его ранил, отвечай? – Староста больно схватил меня за подбородок, заставляя посмотреть в лицо.

– Волк! Он вышел из леса, когда ваш сыночка решил взять силой то, что ему не предназначалось. – Злость вылилась в грубые слова.

– Врешь! Не было никакого волка! – встрял вдруг Силк, светленький паренек, стоявший на карауле, пока его друг рвал на мне платье.

– Силк, протри глаза! Как это не было?! По-твоему, это я ему оставила порезы? – ляпнула и замолчала, потому увидела на лице парня подтверждение своих слов. Да он и правда думал, что это я. Я! Но как?!

Староста перевел задумчивый взгляд на свидетелей. Лаврик, паршивец, гаденько усмехнулся и ткнул пальцем в мою сторону.

– Конечно, она его ранила, кто же еще? На поляне были только мы. Ренур нагнул девку, а как хотел... эм... поговорить, так и получил порезы эти.

Сын старосты снова застонал, намекая, что неплохо бы перестать болтать и отвести его к местной лекарке, бабке Агафье.

– Не знаю, какие у вашей семейки секреты, но чтоб я тебя рядом с моим сыном не видел! – твердо сказал Дранк, и бабки его поддержали. Языкастые и злые сплетницы. Как

только доковыляли сюда на своих пропитанных ненавистью отекавших ногах?

– Морковка с ботвой, вот кто она, девка эта. Одно сказать надобно – ведьмина дочь! Приживалки они оба с отцом, – припечатала бабка Маруся, местная сплетница с отсутствующими зубами.

И вот в этот момент я действительно почувствовала себя лишней. Случись кто насильничал бы Анишку, там все бы село встало на ее защиту, и отец девушки бы выпорол парня, а потом заставил жениться. Со мной же отчего-то деревенские не сюсюкались.

– Прикройся, Отворяющая. – Последнее слово было выплюнуто с издевкой.

– Эй, Дранк, да у нее глаз один зеленым горит! – заметила Маруся и осенила себя знаком защиты.

Но меня уже понесло. Такова была дурная девичья натура. Я могла долго терпеть, но накопленное рано или поздно выплеснется, переполняя чашу. Уже и запрет папеньки забылся, и то, что глаз остался без линзы, стало безразлично. Все чувства будто выгорели, оставив только злостное ощущение несправедливости и грязи. Бедра после прикосновений Ренура горели, под тонкой светлой кожей уже наливались синяки. Платье безвозвратно испорчено. И волк этот, которого никто, кроме меня, якобы не видел!

– А не вам ли, бабка Маруся, мой отец помогал дрова колоть и баньку ставить? – Я поднялась с травы, стараясь не

обращать внимания на брезгливые взгляды деревенских. – Не вам ли, староста Дранк, когда ваша кобылка принесла жеребчика хромого, я его выхаживала травами? Не ты ли, Лаврик, еще месяц назад у моего дома с букетиком полевых цветов стоял?! А теперь решили компанией подкараулить и насильничать?

Я оглянулась в сторону леса. Среди длинных черных стволов мелькнула белая шкура крупного даже для своего племени волкодлака. Тварь с тропы. Один из оживших кошмаров с пожухлых страниц справочника фауны нашего мира. Зверь, спасший меня, но навсегда изменивший жизнь босой девушки, оказавшейся не в том месте не в то время.

Вопросы деревенские проигнорировали.

– Ступай, девка, и не гневи старосту! Нечего на парней наговаривать! А то не жить вам тут с отцом больше. Выгонит, как пить дать! – Бабка Фрося больно тыкнула меня в бок, оставляя очередной синяк.

Спорить с темными, как справедливо заметила, Анишка, не хотелось.

– Пусть гонит. Мы и сами тут не останемся! – огрызнулась я, разворачиваясь прочь.

– Сколько тропке не вейся, все равно конец будет! – бросил староста и смачно сплюнул на землю.

Горло душили спазмы невыплаканных слез. Только не на глазах этих людей... только не на их глазах... Шла, чуть не плача, прихрамывая. В спину мне неслись проклятия о веч-

ном Забвении за вранье, но перед внутренним взором стоял белый волк с ледяными глазами, черным носом и золотыми когтями на большой лапе.

Осторожно брела по уже ровной дороге, но ступни нещадно болели. Наколотые и отбитые, пока спасалась бегством. Только когда оказалась у околицы, поняла, что произошло. Он же чуть было не...

Утробный, давно скрывааемый всхлип вырвался наружу. Я обессиленно осела на ослабевших коленях, так и не открыв ворота. Уткнулась лбом в согнутые колени. Как Ренур вообще решился на подобное? Неужели настолько вскружила голову молодая кровь? Да, ребята не блистали большим умом, однако всегда побаивались моего отца. Он отличался от местных, да и в целом к нему относились лучше, чем ко мне с рыжей огненной шевелюрой.

Сколько так просидела – не знаю. Благодарила судьбу, что дом наш стоял на отшибе и процессия с раненым «Ренурчиком» прошла окольными тропами, мимо меня. В сторону дома Анишки старалась вообще не смотреть. И чем дольше сидела, оплакивая солеными слезами последние остатки справедливости в Новом Перепутье, тем больше понимала – нужно отсюда бежать.

Сегодня они меня чуть не снасильничали, и если бы не волк... Горло сжало спазмом. Я заставила себя расслабиться. До чего еще может дойти?

Отец пришел на закате и застал меня, как и было. В си-

няках, ссадинах и с израненными ногами под нашими воротами.

– Доченька? Что стряслось... кто... это сделал? – Грозные черные брови отца свелись на переносице. Он любил меня больше всего в жизни и не раз это доказывал.

– Ренур с дружками... – Голос был слабым и подрагивал. Грозный высокий мужчина сильно сжал челюсти и с размаху всадил топор в рыхлое бревно, служившее заменой уличной скамейки или вовсе порой выполнявшее функцию колоды.

– Он принудил тебя?.. – На отца было страшно смотреть. Сейчас в черноволосом мужчине проявлялись какие-то звериные черты. Те, которых я никогда в нем и не видела.

– Нет. Попытался... меня спас... волкодлак, пап. И самое обидное, деревенские считают, что я вру. Потому что не видели его. Хотя он стоял ко мне так же близко, как я вижу сейчас тебя!

– Подожди, а ты как его увидела? Волкодлаки – твари Троп, их так просто не рассмотреть. Только если... Где твоя линза, Виталина? – Он сузил глаза, ища на моем лице ответ на вопрос. Я устало поднялась и упрямо вздернула подбородок.

– Не знаю где. Потерялась. Пока они меня держали. Большие ладони сграбастали мои худенькие плечи в медвежьих объятиях.

– Девочка моя. Не пугай меня так. – Грудь отца вибри-

рвала от мощного голоса. – Я уже подумал, что придется убить паршивца.

– Потом пришел староста и обвинил меня во вранье, – всхлипнула. – Давай уедем отсюда, пап? Я больше не могу тут... среди этих...

– Тш-ш... Вита. Ты и сама далеко ли ушла от них? Выучила уже тот список трав, что я тебе приготовил?

Он отстранил меня от себя и вопросительно поднял бровь. Я мучительно покраснела, признавая правоту отца. Вместо того чтобы потратить время продуктивно, я просидела несколько часов, просто пялясь в небо и страдая. Пусть даже и повод имелся, но труд – вот что могло отвлечь. И учеба. Так у меня имелась хоть какая-то слабая надежда, что отец отпустит меня обучаться в соседний город. Там имелось небольшое писарское училище. Уверена, среди каменных домов или стеллажей с книгами я почувствую себя лучше.

– Пап?

– М?

– Что теперь будет? Они видели мой глаз и не оставят нас в покое. – Я наслаждалась ощущением защищенности в руках отца.

– Плохо, что видели, но с чего им тебя преследовать? Разве ты ведьма или Отворяющая?

Медленно покачала головой. Может, я и вижу всякое, но точно не относилась себя к особым людям. Здесь, в забытой

Ходящим глуши, выделяться лучше не стоит.

– Вот именно. Иди во двор, скотину накорми и коров запусти, они вернулись с пастбища. – Голос отца был тверд и непреклонен. Как он не понимает, что деревенские нам теперь жизни не дадут?

Я лишь кивнула и тоскливо вздохнула. Для начала, пошла домой, ополоснулась в простом летнем душе, смывая противные чужие прикосновения. Вовсе не о таких мечтает нежное девичье сердце в восемнадцать лет... Вовсе не о них. Да и, честно говоря, о любви я думала в последнюю очередь. Больше о том, как выбраться из этого болота, куда зачем-то нас загнал отец.

Завела коров, пересчитала кур и гусей, пробежалась по двору, проверяя, все ли в порядке. Подмела мелкий мусор. Повседневные дела вытеснили плохие мысли.

– Покушаем, и ложись спать, доченька. А я поговорю со старостой... – Отец поцеловал меня в лоб, ткнувшись колючим подбородком. Еще одна его особенность – он брился каждое утро, что тоже отличало его от деревенских. Но своей привычке он не изменял.

– Пап, давай уедем? Продадим хозяйство и подадимся в город. Я обещаю, постараюсь сдать экзамены хорошо и поступлю в училище. Видеть не могу эти деревянные стены и недовольные лица...

– Нет, малыш. В городе опасно, там... слишком много острых глаз. – Папа присел на стул рядом со мной и вытащил из-

за пазухи маленькую коробочку. – Тут запасная линза. Новая.

– Но пап... они же очень дорогие... Откуда?

– Тихо, малыш. Твоя безопасность прежде всего. Надевай и постарайся больше не терять.

Большая ладонь заботливо прошлась по рыжей волне, немного запутавшись в кудрях. Этот день, наконец, закончился.

А ночью в калитку постучали.

Глава 3. Волчьи когти

– Эй, Морковка. – Я легко узнала Лаврика, дружка сына старосты. Он колотил в забор как умалишенный. – Выходи, ведьмина дочь! Признавайся, что ты сделала с Ренуром?!

Удар ногой о забор невозможно было проигнорировать. Я вскочила в чем была, то есть в тонкой льняной сорочке до пят, всунула израненные ступни в лапти и выбежала на улицу. Следом подтянулся и отец, моргая заспанными глазами. Он накинул длинную рубаху и подвязал повыше штаны.

– Что за шум, Лаврик? – гаркнул он, распахивая калитку.

Тощеватый, по сравнению с моим отцом, парень, ворвался во двор и, вращая безумными глазами заорал:

– Он умирает, будь ваша семейка неладна! Сгорает заживо. И никакие лекарские штучки его не берут! – Парень подбежал ко мне и схватил за ворот сорочки. – Это все ты! Ты! Зеленоглазое отродье!

В его словах было столько ненависти и лютой желчи, что я даже смешалась на минутку. А вот отец не растерялся, поднял пацана за шиворот и потряс, приводя в себя, как нашкодившего щенка.

– Ты спятил, что ли, малец? Веди давай, где разместили вашего горемычного. А мы пока соберем необходимое. – Он опустил Лаврика на землю изрядно побледневшим. Похоже, парень забыл, что мой отец – самый сильный мужчина в этой

деревне и положит на лопатки даже старосту при желании.

Так всегда бывало. Если лекарка не справлялась, звали меня. Отец рассказывал, что до переезда в деревню работал в столичных патрулях. И там же научился основам врачевания с помощью трав, выдержек и различных притирок с терпкими ароматами. И передал эти знания мне. Совсем не магия, чистая наука.

Вот такой двуличный темный народ. «Ведьмина дочь», но иди и лечи моего жеребчика или занозу изгоняй из большого пальца дядьки Луки. Отец работал, а я часами сидела над книгами, изучая доступные мне рецепты. А если какая редкая травинка требовалась из леса – просила отца достать нужное. Не знаю почему, но возможность кому-то помочь всегда радовала, несмотря на косые взгляды местных.

И сейчас я сперва испугалась, но потом пошла собирать свой походный короб со множеством свежих и не очень настоек, пучками луговых трав, заталкивая чувство собственного достоинства как можно глубже. Ничего плохого про бабушку Агафью сказать не могла, но вот что методы ее давно устарели и травы она собирала не в срок – это знала точно. И если на когтях волка был какой-то яд, не дай Светлый, вполне возможно, что лечение и не действовало.

Через десять минут мы с отцом уже входили в душную темную комнату, освещенную дешевыми самодельными свечами. Язычки пламени дрогнули, когда дверь пропустила нас внутрь. В помещении стоял затхлый, спертый дух. Пахло ро-

машкой и чередой. А еще кровью и гнилью. Мне это решительно не понравилось.

– Опять вы ведьму пригласили, – прошепелявила бабка Агафья, завидя незваных гостей.

– Помолчи, старая, – отозвался отец, – не справилась, так имей совесть язык прикусить.

Взор его мимолетно окинул присутствующих. На кровати спиной вверх лежал сам Ренур, с красными воспаленными ранами наружу. Даже не сильно присматриваясь, я видела, что дело плохо. Спина вздымалась хрипло, быстро. На коже выступила бо́льшая испарина. У его ложа сидел отец с низко опущенной головой.

– Это все ты, Виталинка, ты! – Он поднял лицо. Удивительно, но строгий суровый староста осунулся, став лишь тенью того себя, который поспешил на место происшествия днем. Могучие плечи сгорбились, под глазами залегли черные круги.

– Наказание это Ренуру, Дранк. И тебе это прекрасно известно. Он хотел изнасиловать мою дочь.

Я уже раскрывала свой короб на табурете возле постели и начала осмотр ран. От слов отца меня передернуло. Впервые кто-то назвал инцидент правильными словами.

– Если твоя ведьма сейчас загубит мне сына, знай: житья здесь вам не будет, – зло крикнул староста, поднялся и размашистыми шагами вышел на воздух. Бабка Агафья увязалась за ним.

Слова старосты просто-напросто проигнорировали. Уже сколько подобных угроз мы успели выслушать за долгие годы.

– Это яд, пап, – констатировала, глядя на раздувшуюся кожу вокруг раны.

Отец подошел и присел возле ложа больного. Наклонился над глубокими царапинами, зачем-то понюхал. Потом внимательно посмотрел на меня.

– Говоришь, это был волкодлак? – Похоже, отец только сейчас поверил в рассказ о создании, виденном мною утром.

Кивнула, роясь среди склянок.

– Может, отвар бессмертника? – Я промыла руки спиртом, тоже привезенным папенькой из столицы.

– Нет, малыш, я уже видел такие раны. Отвар бессмертника только снимет воспаление, но не выведет отраву. Боюсь, только мох... напюника-ка мне название... может помочь. – Отец тоже обмыл руки и нажал на края воспаленной плоти.

Из разорванных мышц вылез желтоватый гной вперемешку с сукровицей. Он отвратительно пах. Смертью.

– Мох буравенник. Коричневатый на цвет, растет в прогалинах, но любит солнечный свет. Сильное средство для вывода грязной крови. Листья красноваты, мелки и ажурны, с белой окантовкой по краю, – заученно произнесла я. – Но пап, его можно найти только в лесу, и его нет в моих запасах.

– Ты права, Витушка. Пойду я, поищу. Жди через пару часов.

– Но пап, там темно сейчас, хоть глаз выколи... – Мне не хотелось отпускать его в глухую ночь.

Отец тепло улыбнулся, поцеловал меня в лоб.

– Не переживай, и не из таких переделок выбирались, – шепнул он.

Повернулся, еле помещаясь в приземистой знахарской избе. И вышел, оставив меня один на один с пострадавшим.

Стараясь отогнать дурное предчувствие, я на скорую руку вскипятила котелок и запарила противовоспалительные травы. Ренур был плох. Горячий воздух выходил из легких, и тело начала бить горячечная дрожь – верный признак слишком высокой температуры.

У бабки Агафьи в комодe рядом с кроватью нашлись чистые полотенца. Я решила использовать их как компрессы. Только вот...

– Помогите штаны стянуть, – попросила у вовремя вошедшего в избу старосты. – Его нужно охладить, иначе до утра не доживет.

– Это еще зачем? – насторожился Дранк.

– Повторяю, его нужно охладить. И окно приоткройте вон там, только чтобы на парня не дуло. – Сейчас Ренур был для меня лишь пациентом, обычным человеком. О том, как он едва меня не изнасиловал, я старалась не думать.

– Хорошо, – покорно согласился мужчина и помог освободить высокого ладного парня от лишней одежды. Тогда мы приготовили компрессы. Я промыла раны и обработала их

заживляющей мазью, которая должна была не допустить развития горячки.

– Теперь остается только подождать отца. Он пошел за мхом в лес. Дело в том, что на когтях волка, похоже, был яд, – ровно сказала я, просто сообщая о лечении старосте. Не более.

– Какой яд?! – шепеляво вставила бабка Агафья, вдруг появившаяся из ниоткуда, как одна из самых страшных тварей тропы. Был в бестиарии один экземпляр. Даже глазки у него поблескивали точь-в-точь, как черные радужки глазливой лекарки. – Что ты удумала с ним делать?

Старуха потрясла кулаком, окончательно довершая сходство со скорпикором, членистоногим и хватким ползущим существом, имеющим четыре пары глаз, торчащих на ножках изо лба.

– То, что вы не сделали, – буркнула в ответ. – Ваша крапива давно заплесневела, а цветки василька были собраны не в срок. Таким вы его поили? Просроченным и никудышным пойлом?!

– Тьфу на тебя! – обиделась старуха. – Сведет тебе сына со свету и поминай как звали!

Агафья поковыляла в соседнюю комнату, видимо, спать. Мне же невозможно было сомкнуть глаза от чувства нарастающей тревоги и страха, липкие щупальца которого сжали сердце сильнее положенного. Я очень боялась, что Ренур отдаст душу Забвению и деревенские точно потопят меня в бо-

лоте, привязав к шее тяжелый камень. Кровь за кровь – вот девиз местных селений. Только работал он для рожденных здесь.

И Дранк чувствовал мой страх. Следил за неуверенными иногда движениями. Пальцы дрогнули, переворачивая компресс, когда Ренур протяжно застонал, мечась по насквозь мокрой от пота простыне.

– Боишься, ведьма? Правильно делаешь. Где отец твой ходит? Уже час до рассвета, а его все нет. – Староста издевался, не иначе, ковыряя мое самое больное место. Неуверенный свет от желтых свечей плясал на стенах, нашептывая страшные сказки и бередя подсознание новыми страхами.

– Не знаю, он хорошо ориентируется в лесу, если только что-то случилось... – Я поднесла чашу к сухим губам Ренура. Парень неосознанно раскрыл рот и дал влить несколько капель отвара. Слишком мало. Так он точно не выкарабкается.

Мы продолжали ждать, рассвет неумолимо близился, а дыхание Ренура становилось все медленнее, слабее.

«Пожалуйста, Великий Ходящий, не дай ему умереть. Деревенские ведь убьют меня. Подкараулят и забьют насмерть», – пронеслось в голове, но вслух я сказала:

– Вы идите лягте, староста. Посмотрю за парнем, не впервой.

Мужчина бросил на сына прощальный взгляд, словно уже и не чаял застать в живых, но ушел, напоследок процедив

сквозь зубы:

– Сгубишь сына моего – жизни не дам, – напомнил и ушел в другую комнату.

Я замерла напряженной мышью, прислушиваясь к каждому судорожному вздоху. Что же делать? Без мха шансы на излечение практически равны нулю. В какой-то момент перед глазами от усталости все поплыло, и мне привиделся странный сон.

Будто отец пришел и протянул мне пригоршню осторожно ощипанного по всем правилам мха и произнес:

– Вита – на древнем наречии означает «жизнь». Ты наш последний шанс, девочка. Пробуди свой дар, дай ему волю. Наложь мох на парнишку и пожелай ему выздороветь как можно скорее.

Когда я распахнула сонные глаза и проморгалась, подумала, что еще сплю. Мои ладони разверзлись над телом Ренура, особенно в месте, где он был ранен. И с пальцев золотой пылью сыпались, как снег, исцеляющие искры. Дыхание парня становилось все более глубоким и правильным, лихорадочный румянец сходил с щек. Забвение обошло эту душу стороной.

А под ладонями оказалась пустота. Никакого мха.

– Ведьма, – вдруг крикнули сзади. – Держи ее, проклятую!

Бабка Агафья истошно завопила с невиданной прытью, хватая меня за руки. И откуда только столько сил у дряхлой старухи?

– Убила?! – Со взбешенными глазами в комнату залетел староста.

– Нет! Исцелила силой своей черной. Наверняка теперь последствия будут. Может, и не Ренур это вовсе, а перевертыш вместо сына твоего!

Я отчаянно дернула запястья.

– Я его спасла. Не знаю как, но кажется... это сделала я.

– И отца твоего не видать. Сгинул, наверное, в ведьмовском лесу, окаянный, – причитала бабка, продолжая меня куда-то тянуть.

Дранк бросился к сыну. Проверил зажившие царапины, глянул на меня и как молотом ударил жестокими словами:

– Всегда знал, что Витка – колдунья. Сама на него царапины навела, сама и сбросила. Не место нечистым тварям в нашей деревне. Утопим проклятую!

Глава 4. Не ступай на тропу, не кликай беду

Меня мутило. Голова кружилась, и перед глазами все плыло, сливаясь в одно сплошное цветное пятно. За окном занимался рассвет, медленным светом заливая тусклую комнату. Свечи потухли, истаяли вместе с моими силами. Как тряпичную куклу, деревенские вытянули безвольное тело на улицу, и откуда-то взявшаяся толпа загомонила, простреливая словами мою пульсирующую болью голову.

– Ведьма!

– Сжечь!

– Утопить!

– Камень на шею и в болото!

Злые языки выкрикивали разные варианты моего умерщвления, а я никак не могла прийти в себя и начать сопротивляться. Где-то на границе сознания бредила мысль, что они не осмелятся, но сильная хватка чьих-то ладоней, скрутившая запястья, говорила об обратном.

– Я видел ее зеленые глазищи на поляне! – завопил Силк, подливая масла в огонь ненависти.

– Она приворожила Ренура, опоила! – Это Анишка, соседка. Девушка спокойно смотрела, как меня, ту, что она звала подругой, уводят к кромке леса. Неужели все из-за рев-

ности? Готова убить?..

Ноги стали ватными столбами и едва ли могли переносить мой вес, я повисла на чужих руках, не в силах вымолвить и слова. На шею закинули толстую веревку из тех, которыми стреножат лошадей. Первое, что подвернулось разъяренной толпе.

«Все же решили топить...» – вяло подумала, стараясь не потерять сознание, ускользавшее куда-то в Забвение. У меня снова были босые ноги. Староста выволок из дома лекарки, не позаботившись обуть пленницу. Папа... Где же ты?..

Мокрая поутру трава цеплялась за лодыжки, но толпа упрямо тащила меня в сторону леса. Вот уж не думала, что попаду в него так...

Черные стволы хвойных деревьев скрывали не только чащу с ее глубокими и густыми зарослями, но и вонючее болото, о котором я часто слышала, но ни разу не видела. Ребятишкам запрещали к нему приближаться, да и взрослые обходили стороной гиблое место со странным запахом и ряской, тянувшейся по всей поверхности воды. Нет-нет, да какая непутевая коза забредет туда, спеша полакомиться кислыми красными ягодами, мерно растущими из зыбкой почвы, да и утопнет, так и не выбравшись.

– Стойте... За что... – простонала я, борясь с сильной болью, все сильнее давящей на виски. Казалось, что череп разорвет от нестерпимого жжения. Попыталась вырваться, но это походило на слабое трепыхание котенка, а не серьезный ры-

вок.

– Заткнись! – зло донеслось сверху. – Я предупреждал тебя, девка!

Это был староста, Дирк.

– Но я же спасла... Спасла его...

Последние силы ушли на эту фразу, тихим шепотом утонувшей в обвиняющих речах. Мне припомнили все. И падучую хворь на той неделе, и бесплодие Маришки, местной бабы, охочей до мужиков. Не забыли и про парней, якобы привороженных мною, иначе их поведение невозможно объяснить. Отцу пришили неудачи в деревне за последние пятнадцать лет и решили, что он погиб, не иначе, раз так и не вернулся. А раз защиты у меня больше нет, то и убить проще простого.

– Вот теперь заживем... – уверила лекарка Агафья, подтаскивая на пару с мужиком к моим ногам большой валун. Кто-то из них обвязал веревку вокруг камня. И незатейливо, спокойно, столкнул его в вязкую жижу. Сам в нее едва не угодил, выругался.

– Идем, чай, не выплывет ведьма-то. – Голос Анишки сложно было спутать с каким-либо еще.

Я, лишенная поддержки чужих рук, просто бесформенным кулем осела на землю. В мокрую, грязную, тягучую грязь. Хотела отползти, однако валун сзади уже начал погружаться, медленно приближая неминуемую смерть. Руки обхватили веревку, изо всех сил стараясь найти узел и развя-

зять. Но пальцы бестолково блуждали по толстой удавке. В я панике обламывала ногти. Глаза заметались по земле в поиске чего-то острого, хотя бы куска камня, чтобы разрезать путы, но вокруг были лишь заросли брусники, и ягоды кровавым ковром застилали землю, маскируя болото под яркое мягкое погребальное ложе.

С громким хлюпающим звуком валун погрузился в трясины и стал сильнее тянуть меня назад. Сначала щиколотки поглотила вонючая жижа, потом колени. Мной овладели странное безразличие и смирение. Возможно, немалую роль сыграло волшебное исцеление Ренура, но сознание затопил откат. Они хотят меня убить? Пусть.

«Ведьмина дочь». «Морковка». «Рыжая».

Я не достойна жизни, так?.. Грязь всосала ноги, бедра. Дальше дело пошло быстрее. Пояс, грудь... Никто не спасет. Никому не нужна...

Горло. Подбородок. Рот.

Последний вздох. Тьма.

Как долго человек может не дышать? Секунд тридцать. Потом легкие начинают гореть, и рефлексы орут о так необходимом воздухе. Я боролась. В какой-то момент начало казаться, что вода ласково обнимает, а вовсе не убивает.

Самообман подействовал, и я вдохнула удушливую теплую грязь.

Где-то над водой рычал зверь.

Мне больно. Грудь разрывало, но все происходило быст-

ро. Несколько секунд тело еще не теряло надежду и сопротивлялось. Руки бестолково мололи трясину, пропускали жижу сквозь пальцы, ноги сводило судорогой, но они бились, сгибались и старались вытолкнуть тело к поверхности.

Сознание померкло.

Это будет как сон. Долгий-долгий сон...

Заснуть мне помешали мягкая шерсть и гребки мощных сильных лап. В ослабевшую ладонь ткнулся нос. Потом веревка шевельнулась, и я окончательно потеряла сознание. В полусне ощутила, как спина уперлась в твердую землю, а на грудь надавили две огромные лапы. Ритмично, заводя непокорное, едва бьющееся, сердце. Все кружилось, размытое красное пятно исчезло, когда я закашлялась и выплюнула на ягоды черные сгустки грязной болотной воды.

С рваным вдохом меня наполнили новые силы. Я протерла глаза и нос, смахнула жижу и осмотрелась, пытаюсь понять, кто же меня спас. С волос ручьем стекала вода, легкие горели, шея болела от веревки, все еще висевшей на ней оборванной петлей. Перевернулась на бок. Снова закашлялась. Вокруг была пустота. Только лес. Темный, едва не ставший моей могилой.

С трудом я все же нащупала узел, стянула удавку и выкинула ее в болото. Грязь упрямо лезла на лицо, и, кроме того, мне стало холодно. Чудо, что еще никто из деревенских не вернулся проверить сдохла ли ненавистная «Морковка». Время поджимало. Но куда мне идти? Одежда липла к телу,

прохладный ветерок охлаждал кожу и вызывал толпу непокорных мурашек. К тому же меня начало колотить от запоздалой реакции на шок.

Кое-как поднялась и пошла вглубь леса, в самое сердце места, куда мне всегда запрещали ходить. Отец говорил, там опасно. Он настаивал, что здесь я погибну.

Но деревня, оставшаяся за спиной, оказалась гораздо опаснее. Вернуться сейчас означало добровольно себя убить. Поэтому я плелась по тропе, запинаясь за выступавшие корни и почти не замечая впивавшихся в ступни иголок и шишек. Мысленно поблагодарив неизвестного зверя за спасение, продолжала упрямо шлепать вперед.

Иногда мне попадались россыпи ягод малины или черники, и появлялась возможность хоть как-то утолить жажду и голод. Платье влажным грязным комом стало засыхать прямо на теле. Невеселые мысли бередили голову.

Куда пропал отец и как мне его найти? Если бы я знала лес хоть немного, пошла бы к местам, где рос буравенник. Возможно, отец упал, или на него напал дикий зверь. Или еще хуже – он наткнулся на Тропу и пропал, загрызенный нечистью.

И как я ни крутила ситуацию в уме, шагая дальше, никак не могла найти выхода. К обеду усталость, шок и бессонная ночь взяли свое. Я свернула в лес и стала искать приемлемое место для отдыха. Но, как назло, нигде не слышалось журчания родника. Сосредоточься, Вита. Вспомни, чему тебя учи-

ли...

Подслеповатые после болотной грязи глаза стали выискивать знакомые растения. Вот меховушка с пушистыми листочками. Она любит сухие места. Здесь точно нет воды. Время текло медленно, ноги заплетались, язык распух от жажды. Вот сосновая венорка. Эта травка приземистая, но живет в тени других, высоких деревьев. Обычно на юге.

Повернула в противоположную от полянки венорки сторону. Где-то здесь... Должно быть где-то здесь...

Жалкая прогалина с лужей. Позавчера лил дождь, и я нашла остатки воды на низких листьях да еще немного под кустиком лещины. Из рта вырывался невольный стон разочарования, но я слизала все до последней капли. И свалилась без сил тут же.

Пришла в себя, судя по солнцу, через пару часов. Не сказать, что отдохнула. Перед глазами цветные пятна плавали не так быстро, да и платье, кажется, совсем просохло. Горло саднило от жажды. Я подняла ладонь и потеряла его, чувствуя, что от веревки остался сильный болезненный след. Что обо мне подумают, если увидят?.. Сглотнула вязкую слюну. Выжить бы для начала.

Еще несколько часов блуждания по лесу не привели ни к чему хорошему. Разве что я еще сильнее заблудилась и нещадно хотела пить. Сколько я проживу без воды... Глаз с линзой зачесался. Нехорошо лезть грязными руками, но придется.

Аккуратно сняла ее, вспомнила, что в кармане платья была коробочка, отданная отцом. Возможно, последняя вещь, которую я от него получила. Всхлипнула.

Черный коробок от подарка остался цел, и даже болотная вода не проникла внутрь. На совесть сделанный футляр отворился и принял артефакт на шелковую подушечку. Завтра линза очистится и будет готова к использованию. Недаром же, одна такая штука стоила целое состояние. Здесь она будет целее...

Присела под очередным кустом. Я понятия не имела, где оказалась. Устало прислонила затылок к дереву. Во рту было совсем сухо, мне ужасно, губительно хотелось воды... Хотя бы глоток...

Вдруг среди подлеска что-то зашуршало. Вставать не хотелось. Звук повторился. Какое-то гудение. Как же хочется пить...

На ослабевших ногах подобралась к источнику шума. Траву выстлали клубы белого тумана. Таинственные, холодные. Что это?

Похоже на облако, спустившееся с небес на землю. Среди белой дымящейся глади играли синие всполохи потустороннего волшебного света. Они свивались в спирали, закручивались в маленькие ураганы и просто кружились завитками, складываясь в странную нить.

Сначала простая, легкая и тонкая. Потом шире, как дорогая атласная лента для волос. Я когда-то хотела купить себе

такую. В другой жизни. Холодно... Как же холодно...

Лента все росла, растягивалась и расползалась. Вскоре ее стало возможно измерять локтями. Пара локтей в ширину и около пяти в длину. Отрезом шелка полоска синего света легла на травинки среди белого тумана. Наверное, это навеянные картины. Я читала, что иногда, когда человек испытывает сильное недомогание, ему видится всякое...

За спиной завыл пес. Сильно, заливисто. И зашелся громким лаем.

Я знала эту псину. Мустанг, охотничий помощник старосты Дранка. Они вышли на мой след... увидели, что выжила. Прознали.

Мустанг снова захлебнулся лаем. Я попятилась и наступила на полотно.

Лес исчез. Ступни ощутили мягкое прикосновение. А потом ткань под ними затвердела и превратилась в дорогу. Длинную, извилистую Тропу. Был ли у меня выбор? Нет.

Глава 5. Новый Путь

Видимо, эта Тропа всегда была здесь. По обочинам что-то росло. Но ни названий этих растений, ни их свойств я не знала. Листья причудливых острых форм...

Чем дальше шла, тем сильнее нарастал звук падающей воды. Пересохший рот открывался и закрывался, как у беззубой рыбки, выпускавшей пузыри. Ноги плелись уже, скорее, из-за упрямства, а не из-за того, что в них была хоть капля сил. Ступни охватывала острая боль, усиливавшаяся с каждым шагом. Я оглянулась. По синей подсвеченной тропе спускалась вязь кровавых отпечатков.

Долго еще?

«Сколько Тропке не вейся, все равно конец будет», – прозвучали в голове слова бабки Агафьи. Вот уж не думала, что буду их вспоминать в этой ситуации.

Если конец там, где есть вода, то я готова на многое, чтобы дойти.

Иногда меня посещали странные мысли. Все происходящее напоминало один большой нереальный сон. Что, если я просто тону в том болоте и сознание подкидывает навеянные сны? Вспоминала волкодлака и его пронзительный голубой взгляд. Как он смотрел на меня там, на поляне, поранив Ренура. Словно хотел что-то сказать, но не мог.

В приземистой траве мелькнули яркие бордовые и круп-

ные ягоды. Как черешня, только с земли. Желудок заурчал. Я упала на колени, склоняясь над ними. Съесть? Пальцы потянулись к тугому плотному плоду.

– Ахр-р-р-р, – раздалось сбоку.

Мой взгляд метнулся в сторону. Сердце совершило кульбит, взлетев под самое горло. На тропе стояла черная мантикора. Ее глаза светились зеленым кровожадным светом. Львиная голова с гривой темнее ночи склонилась. Будто... приветствовала меня? Она не собирается меня есть?

Я кивнула в ответ.

Тогда монстр сделал быстрое смазанное движение и в один внушительный прыжок приземлился рядом. Его лапища размером с мое лицо зло плюхнулась на куст с ягодами. Красные плоды полопались, выпуская наружу мелких червячков, прятавшихся внутри. Они осели на землю и растворились синим туманом.

И я чуть было не съела ЭТО? Уже второй раз меня спасает тварь Тропы... Узнай об этом отец, долго бы смеялся. Грудь сжало от рвущихся наружу рыданий. Нет. Сейчас не время... Я обязательно оплачу эту потерю, когда найду его. Или его останки.

– Поняла, – осиплым голосом произнесла, глядя на мантикору. – Здесь нельзя есть.

Спасительница кивнула. Она была разумной, определенно. Зверь бесшумно наклонился ко мне. От создания Тропы исходило знойное тепло. Так и хотелось прильнуть к черной

шерсти и согреться... И я, должно быть, совсем потеряла голову, потому что потянулась ладонью к царственной львиной гриве. Зверь сначала насторожился, сузил дикие изумрудные глаза. Предостерегающе рыкнул, показав ряд крупных белых зубов. Но когда я коснулась шелковистой гривы, все вокруг померкло. Потеряло смысл. Остались только он и мои пальцы, глубоко зарывшиеся в шерсть.

– Ты такая красивая... – замороженно шепнула, на краткий миг забыв о жажде и голоде. – Я думала, твари Тропы опасны...

Мантикора снова кивнула, мол, и правда не безобидны. Только не она. Длинная мощная лапа вытянулась приглашающе. Зверь высокомерно мотнул головой. И мне подумалось, что я ошиблась. Это не мантикора, а манतिकор. Величественный и гордый.

– Залезть? А... можно? – Я поднялась на непослушных ногах, опираясь на спину зверя. Пара кожистых крыльев согнулась, освобождая место. В какой-то момент манतिकор не выдержал стоять и смотреть на мои попытки забраться на него, бесхитростно наподдал мощной лапой сзади, подпихивая под попу. Кое-как я завалилась на большую, теплую спину.

– Отнесешь меня к концу Тропы? – Я махнула в нужную сторону.

Зверь что-то прорычал, но я уже не слышала, погружаясь в нездоровый сон. Мерное покачивание и горячая шерсть

сделали свое дело. Изможденное, местами израненное тело обессиленно расслабилось, стараясь хоть каким-то образом наверстать растроченные силы.

Проснулась от толчка. Манतिकор скинул меня со спины, осторожно сгрузив на Тропу. Я протерла глаза, спросонья не понимая, где нахожусь. Полотно Тропы обрывалось в белом тумане. Выход.

Оглянулась – зверя и след простыл. На конце я слышала журчание воды и плеск. Пить... Едва поднялась на ногах и сделала шаг, как оказалась в воде.

Теплой, пахнувшей свежим хвойным мылом. Меня выпихнуло в нее с головой. Но недавнее воспоминание об утоплении сыграло против, кажется, уже не такой и простой деревенской девушки. Я забила ногами, руками, в панике пытаюсь выплыть на поверхность. Кулак врезался во что-то твердое. Вынырнула и стала отплевываться и дышать. Случайно проглотила немного горькой мыльной пены. Распахнула глаза.

– Простите, я не ждал гостей. – Холодный голос сбил с толку. Взгляд все никак не мог сфокусироваться и понять, где же я нахожусь.

– Пожалуйста, – прошептала саднящим голосом, глядя на собеседника. Это был мужчина около тридцати лет на вид. Его длинные, кажется, светлые волосы, намокли от воды и потемнели. Они были убраны на затылок, но часть спускалась из-за плеча на обнаженную грудь. Мужчина спокойно

полулежал в огромной ванне, без труда вместившую нас двоих.

– Воды... – последнее, что помню, это удивленный взгляд незнакомца и теплую кожу под пальцами. Кажется... свалилась на него.

Кантор Нэрт

– Простите, я не ждал гостей, – холодно заметил, когда незнакомка, внезапно возникшая в моей ванной, наконец отплевалась от воды. Она была похожа на мокрую испуганную мышь. На грязном лице читался такой ужас, что на мгновение мне показалось, она сейчас закричит. Как же я не люблю кричащих женщин...

Устало откинулся на борт ванны, предварительно обернутый полотенцем, и приготовился слушать вопли. Но их не последовало. Это заставило меня посмотреть на нее второй раз. С девчонки капала грязная вода, она дрожала, хотя температура здесь была вполне приятной. Я понял – все придется наполнять заново. После тяжелого дня... Очень некстати.

Девушка распахнула глаза и хрипло, с надрывом прошептала:

– Пожалуйста... – Ее голос внезапно показался мне красивым. Пусть и измученным.

У нее были интересные глаза и почти черные от запекшейся грязи щеки. Хм. Два драгоценных зеленых камушка, сме-

ло смотревшие мне в лицо. Колдовские. Дважды хм. Обычно когда женщина оказывается в моей ванне, на лицо она смотрит в последнюю очередь. И уж точно не таким смелым, полубезумным взглядом, а, скорее, с покорностью и просьбой. Пробежался по ладной фигурке. За деревенским сарафаном почти ничего и не рассмотреть.

– Воды... – То ли полувсхлип, то ли полустон затронул какие-то струны в душе. Я оттолкнулся ногами от дна и привстал, намереваясь шагнуть навстречу девушке. Воды? Она просит пить в ванне? Seriously?!

Дальше выручили только отточенные многолетними тренировками реакции. Незнакомка потеряла сознание и упала. Едва успел подхватить. И остался стоять в своей ванной с грязной обессиленной девушкой на руках. Что мне теперь с ней делать?

Легкая, не тяжелее пятидесяти килограммов. Я знал только один способ, которым она могла сюда попасть. Нахмурился. Новая студентка? Перепутала Тропы и заплутала ко мне в покой? А может, она сделала это специально? Сощурился, присматриваясь к девушке. И увиденное мне нравилось все меньше и меньше. Под слоем грязи на шее местами просматривалась красная полоса. Я знал эту отметину. Такие бывают у тех, кто избежал участи быть повешенным. Если она одна из студенток, то в общежитии будут большие проблемы.

Кое-как выбрался с ней на руках из ванны, наплевав на поток воды, хлынувший с новой силой на кафель. Домовой дух

все приберет, когда настанет время утренней уборки. Жаль только, мне не была подвластна бытовая магия, иначе я бы легко сейчас высушил одежду на незнакомке. Решил сначала устроить ее на ковре, раздеть и только потом переместить на длинное пушистое полотенце, которое расстелил на кровати. Благо двуспальное ложе сейчас пустовало.

Я осмотрел девушку еще раз. К сожалению, одежду придется просто срезать. Она похожа на тряпки и едва ли подлечит восстановлению. Приложил ладонь ко лбу. Горячий. У девушки явно жар.

Проводники обучены оказывать первую помощь и изгонять простуды. С этим проблем не должно возникнуть, а вот с раздеванием... Вдруг девчонка – дочь какого-нибудь аристократа? Тогда я точно скомпрометирую и ее, и... себя. Хотя вряд ли в этом мире было хоть что-то, способное испортить мою репутацию еще больше. Накинул халат, выругался, глядя на грязные разводы по бортам ванны. И откуда ее только принесло? Пахнет болотом...

Схватил просто необъятное, самое большое полотенце и постелил его на кровать. На тумбочке лежал кэган, оружие проводников. Перед водными процедурами пришлось снять, но сейчас я прицепил браслет на запястье и размял пальцы, привычно ощущая частичную трансформацию на руке. Золотые когти стали продолжением моих пальцев. Невероятно острые.

Я аккуратно разрезал сарафан по боку. Нет, не похожа она

на аристократку, хоть черты лица и тонкие. Даже косточки на запястьях хрупкие, как у лесной птички. Отбросил тряпки в сторону. На секунду замер.

Красивая. Под платьем ее кожа была чистой, молочной. Россыпь веснушек на узких ключицах становилась реже, спускаясь к двум небольшим округлым холмикам. Худенькая, но ее жизнь явно отличалась от балов и приемов. Мне захотелось провести по плоскому животику, погладить выемку пупка и дальше к краю белья.

Точно не знатная птичка. Такие панталоны носят только в деревнях. Долой. Увиденное дальше повергло меня в шок и смятение. Над ней что, издевались? Почему столько свежих синяков? Некоторые почти черные, явно оставленные чей-то пятерней. Из горла против воли вырвался рык. Потом. Все вопросы потом. Сначала снять жар, напоить, наконец...

Переложил легкое тело на кровать, закутал и отошел на кухню, вскипятить воды. Пока рылся в травах и высыпал их в чашу, приводил мысли в порядок. Нужно будет сходить в лазарет и вызвать одну из Нейтральных. Пусть посмотрит необычную гостью. Буквально через пять минут отвар был готов, в легкой концентрации, чтобы не повредить пустому желудку. Если она подвергалась пыткам, то... могла и не есть очень давно.

Быстро напялил домашние брюки из тонкой ткани, бросил куда-то халат и залез на кровать, предварительно поставив посудину с отваром на тумбу. Сначала приведем ее в

чувство. Несколько шлепков по бледным щекам не дали эффекта. Беда.

Сходил за нашатырем и сунул девчонки под нос смоченную им тряпицу. Она закашлялась и все же распахнула глаза. Волшебные. Колдовские...

– Держи, ты хотела пить, – протянул чашу.

Глава 6. Когда страхи оживают

Взгляд стал более осмысленным. Но она не спешила брать питье. Только осматривалась вокруг зашуганным осторожным зверьком. От ее внимания не укрылась распахнутая настежь дверь в ванную, лужа на ковре, грязные пятна в белом ворсе и бесформенная куча одежды. Даже кэган удостоился пристального разглядывания. Потом весенние глаза скользнули по моим плечам и голой груди. Черт... только не говорите мне, что...

– В-вы... меня раздели? – просипела девчонка, одновременно с этим отодвигаясь по кровати к стене. Незнакомка поджала колени, и обхватила их, пытаясь согреться. Глупая. У нее жар, а она сама себе жизнь усложняет. Но, похоже, моя догадка была верна. Ее изнасиловали?

– Раздел, ты же свалилась ко мне в ванну. Поэтому пришлось. Да и те тряпки сложно назвать одеждой. Как ты сюда попала? – Я хотел расспросить девушку, но она только коснулась кончикам тонких пальцев следа на шее и еще более настороженно мазнула нерешительным, пугливым взглядом по мне. – Тебя смущает, что я не одет? Минуту.

Я вздохнул, поднялся. Показал знакомке спину. Если бы она хотела, могла бы сейчас легко нанести мне смертельную рану. Разве это не знак доверия? Но она, похоже, была другого мнения. Я расслышал, как зашуршала простыня,

и покрывало, как прохладный шелк, тронул разгоряченную кожу. Почему-то эти звуки показались мне очень эротичными. Помотал головой, вышвыривая несвоевременные мысли. Кантор, когда ты стал таким озабоченным придурком? Откуда она взялась только? И ведь именно в тот вечер, когда мне нужно идти на совет лордов-проводников. Мы должны отыскать источник, открывающий Тропы, иначе все пропало. Последняя Отворяющая погибла пятнадцать лет назад. Не уберегли, идиоты...

Ответа на этот вопрос я не знал, поэтому просто открыл шкаф, выбрал простую домашнюю рубашку и влез в нее, надеясь, что так перестану пугать гостью.

– Как ты вообще сюда попала? – Я обернулся и столкнулся с взглядом изумрудных глаз. Ребра сжало от неминуемого предчувствия.

Девушка сверкнула зелеными очами и глубже заползла под одеяло.

– Не бойся, я тебя не трону.

Незнакомка покачала головой закуталась в ворох из полотенца и покрывала, лишь кончик грязного носа торчал наружу. Я сунул ей в руки чашу с отваром, которую она медленно стала опустошать, слегка дуя на горячую гладь жидкости.

– Листья смородины и малины... – Она выдохнула, почти не отлипая от края горячей чаши. – А еще шалфей, плоды шиповника и... липа, кажется. Хороший сбор. Спасибо.

– Разбираешься в травах? – Я пока не мог понять своего

отношения к гостье.

– Немного.

Прозвучало уклончиво и коротко. Думаю, она не хотела о себе рассказывать. Спросить еще что-нибудь?

– Ты здесь учишься?

Больная девушка усмехнулась и высунула из своего укрытия не только нос, но и щеки с подбородком.

– А здесь – это где? – слабо спросила она.

Тут я понял, что насторожило в незнакомке. Даже через слой грязи прослеживались тонкие черты, однако она не аристократка. И этот сарафан... явно деревенский. Что леди делала в какой-то глуши? А потом еще и ступила на Тропу...

– Вы в столице. Конкретно сейчас в спальне преподавателя Академии Магических Путей. Меня зовут лорд Кантор Нэрт, я вхожу в совет Пяти Проводников. Слышали о таком?..

Пальцы этой птички, внезапно влетевшей в мою жизнь, точнее, в ванную, дрогнули. Хорошо, что жидкости там почти не осталось. Веки, обрамленные длинными каштановыми ресницами, потяжелели и стали закрываться.

– Слышала... – Она зевнула, слегка приоткрыв пухлые пунцовые губы. Усталость брала свое.

– Поспите, решим остальные вопросы утром. Я вас не трону. Слово чести.

Девушка кивнула и как-то обмякла. Успел перехватить чашу в ослабевших руках. Она отлично определила состав

отвара, не заметила только одну траву. Лист круглоцвета, поделенный на четыре части. Одна часть – для здорового сна. Все вместе – для комы. Два листа – и смерть практически неминуема.

Посмотрел на крепко уснувшую девчонку. Кое-что я про нее все же узнал. Она никогда не училась в Академии, иначе бы легко определила терпкую сладость листа круглоцвета, растущего вдоль Троп. Отсюда возникает вполне логичный вопрос. Кто она такая и как попала на Тропу? Скорее всего, незарегистрированная Нейтральная. Вздохнул. Она крепко проспит остаток ночи, значит, мне не обязательно переходить на диван в гостиной. Размеры кровати позволяли нам вполне спокойно лежать на ней, но при этом не соприкасаться.

Не раздеваясь, устроился на другом конце. Спустя четверть часа понял – не засну. Приподнялся на подушках, следя за глубоким, но рваным дыханием девушки. Сейчас ее лучше не тормозить. Дать организму восстановиться. Если она была обезвожена, то кутаться тоже излишне – это только усилит потерю жидкости. Выпутал горячее тело из кокона покрывала. Она вздрогнула и продолжила дальше прерывисто дышать. Нет. Сон – точно не лучшая идея, придется за ней присмотреть хотя бы еще несколько часов, пока не сойдет жар.

Минуло полночи, и я уже мысленно крыл весьма нелестными выражениями тех, кто довел малышку до такого состо-

нения. Ничего личного. На вид я бы не дал ей больше шестнадцати. Миниатюрная, с обломанными ногтями, с синяками на бедрах, которые она бесстыдно оголила во сне. С тяжелым, больным дыханием. Такая хрупкая и маленькая в моей кровати... Мысли снова потекли не в то русло. Я себя одернул и решил накрыть гостью хотя бы тонкой простыней, пока она совсем не раскуталась. Снял кэган, не ожидая особой подставки в столь поздний час. Потянулся к поясу гостьи, укрывая.

– Стой... Папа... – Она вцепилась в мою руку как самый настоящий лесной клещ. – Не уходи...

Ладонки обхватили запястье. Жаркое дыхание коснулось кожи. Я дернул руку к себе, но шансов освободить конечность и при этом не разбудить девушку не было.

– Нет... Папа... – потянула сильнее, обнимая. Пришлось подчиниться и лечь рядом. Вдохнуть запах девчонки, чья макушка, пусть и частично закрытая, упиралась мне в подбородок. Ощувив сзади тепло чужого тела, она расслабилась. Должно быть, кошмар отступил. Она потеряла отца? Это объясняет некоторые вещи. Осталась без защитника... одна в деревне. Все что угодно могло случиться.

Тут я мысленно хлопнул себя по лбу. У нее же зеленые глаза. Наверняка местные приписали ей какое-нибудь магическое происхождение. Хотя, судя по тому, что она свалилась в мою ванну по Тропе, не так уж они и были не правы...

Гостья пахла... приятно. Да, тиной, землей, кровью... А

еще солнцем и луговыми травами. Ромашкой... клевером. Свежо и спокойно. Сам не заметил, как задремал.

Виталина Ирнол

Сон был беспокойный и больной. Жарко. Меня опутывали серые крючковатые корни деревьев-исполинов. Земля разверзлась, приоткрыв большую черную яму. В глубине ее, как гнилые зубы, местами торчали обрывки корешков или острые, с неправильными гранями булыжники. Где-то совсем на дне лежал камень. Гладкий, серый. С обмотанной вокруг него веревкой. Выемка начала заполняться вонючей болотной водой.

Вдалеке послышался лай собак.

– Папа... – Губы сами шептали о спасении. – Нет...

Сон отступал и сменялся темной пустотой. Меня бросало в холод, и тогда я куталась в тонкую материю, укрывшую тело. Потом – резко в жар, и мне хотелось окончательно раздеться, так и не открывая глаза. Жаль, что кожу не снять...

Снова яма. Рыжее пятно. Мягкая шерсть и чей-то нос, ткнувшийся в ладонь.

Я распахнула заплаканные глаза. Ресницы слиплись, едва ли давая мне полный обзор. Что мне снилось?

Размытые силуэты чужой комнаты складывались в более четкие предметы. Вынудили пошевелиться. Правда, руки не слушались, ноги горели, и голова была чуть ли не единствен-

ной частью тела, которая нормально шевелилась.

Где я?.. Недовольный вздох послышался из-за спины. Что?..

Скосила взгляд вправо и заметила внушительную ладонь, обнимавшую меня. Кожа на руке была светлой, и обилие небольших тонких волосков говорило о том, что она принадлежит мужчине. Светловолосому и сильному. Широкое запястье и мозолистые на вид пальцы с плотными подушечками. Он присвоил меня, обнял. Почему-то это казалось приятным, а не отталкивающим.

Сознание пребывало в дреме и легко блуждало вокруг почти забытого за последние дни ощущения спокойствия и безопасности. Пока я не вспомнила.

Картинки острыми осколками вывернули наружу все воспоминания, так заботливо отстраненные в сторону будто чьей-то рукой.

Поляна и волк. Больной сын старосты и обвинения. Уход отца. Попытка убийства. Меня начала бить нервная дрожь.

– Нет, нет, нет!.. – забилась, стараясь выбраться.

Голубая лента, белый туман. Чужая ванная... Незнакомец...

– Отпустите! – все же выбралась из капкана крепких рук и отползла в сторону.

Кровать, на которой я обнаружила себя, пробудившись, была поистине огромной. Такая ни за что бы не влезла ни в одну из комнат моего дома. Да и неудобно было бы с таким

большим ложем. Разве что спать всей семьей, прихватив еще бабушек и дедушек. Что хуже всего, посередине кровати открыл глаза и мужчина, ранее так бесцеремонно обнимавший меня.

Высокий, с длинными ногами. Он оказался блондином, как я и предположила. Почти седые волосы обрамляли красивое мужественное лицо с острыми скулами и квадратным подбородком. Мужчина наблюдал за мной из-под полуопущенных ресниц.

– Прощу прощения, – наконец он нарушил тишину. – Вам снились кошмары. Стоило мне наклониться над вами, чтобы немного укрыть, как вы вцепились в мою руку подобно пивке и не пожелали ее больше отпускать.

От мысли, что я сама вынудила незнакомца прижаться ко мне, резко замутило. Хватило быстрой проверки, чтобы понять – под тонкой простыней ничего нет. Я предпочитала не думать, как оказалась раздетой в чужой постели.

– Вы так и будете игнорировать извинения? – Мужчина меня изучал. Обманчиво расслабленная поза не могла обмануть. Под мнимым спокойствием скрывались сила и готовность в любой момент вскочить и оказаться за одно слитое движение рядом. – Хотелось бы услышать какую-то реакцию. Хотя бы негодование или крики. Возможно, даже поток бессвязных фраз...

– Я... прощаю вас, – пролепетала жалко. Голос был совсем слабым, во рту поселилась пустыня. Грязное тело чесалось и

требовало мытья. Глаза скользнули на грязный ковер и груды бесформенных тряпок. Это же... мой сарафан?!

– Можете воспользоваться ванной комнатой. – Мужчина заметил мой взгляд и беспокойное ерзанье. – Как вас зовут?

Подробности вчерашнего вечера продолжали всплывать все яснее. Мыльная пена, чужие руки скользят по телу и раздевают, но я не могу протестовать – слишком ослабла. Губ касается горячая кружка, в нос ударяет запах отвара лечебных трав. И... голый торс лорда, а это, несомненно, именно лорд, судя по манере себя держать и уверенности в собственном превосходстве. Я шарахнулась от него. Как же глупо... Я же читала столько книг... Знала, как себя вести...

– Позвольте представиться. Виталина Ирнол.

Слова вызвали в мужчине странную реакцию. Он почему-то немного закашлялся, прижав кулак ко рту. Словно... смешок скрывал.

– Ну что ж... леди Виталина... Приятно познакомиться. – Голубые глаза вдруг пристально на меня посмотрели, заставив смутиться.

Очень некстати в голове всплыли другие подробности. Ренур. Его руки на моих бедрах и мерзко улюлюкавшие парни вокруг. Подбадривающие визги и звук рваной ткани. Холодные травинки трутся о кожу, ветки и шишки впиваются в спину, когда я пытаюсь вырваться.

Вздрагнула. Лорд отвел глаза.

– Пойду распоряджусь об уборке. Чувствуйте себя спокой-

но. Вы в безопасности.

Он легко поднялся, как я и думала. Стоя, мужчина казался еще больше. Он был, наверное, на пару голов выше меня, с широким разворотом плеч и прямой, отработанной осанкой.

Он вышел, мелькнув напряженной спиной в дверном проеме.

Пугающий мужчина. Такой большой и сильный. Не чета деревенским. Если бы он захотел взять меня силой, я бы ни за что не смогла вырваться... Да и так... не смогла... Что было в том отваре? А вдруг он...

Нет. Если бы он посмел сделать что-то плохое, я должна была почувствовать... Слезла с кровати и неверной походкой пошла в ванную. Возмутительно! Почему этот тип вообще спал со мной?..

Глава 7. Лорд Нэрт

Так и не найдя ответа на вопрос, кое-как доковыляла до заветной двери. Лорд, похоже, был весьма состоятелен, потому что в ванной комнате над самым умывальником плоской ртутью отражало действительность идеально ровное зеркало. Оно вовсе не походило на единственное зеркало в нашей деревне и не искажало отражение. Было подобное у бабки Фроси, и то с волнами по поверхности, не гладкое, а местами выпуклое. Проходишь мимо – и не поймешь, то ли ты чудище с вытянутой головой, то ли приплюснутая с двух сторон тыква.

Это же – ровнехонькое, без единой зазубринки или неправильности. Одно жаль— из зеркала на меня вылупилась самая настоящая девушка-жаба. Застывшие комьями волосы непонятного цвета, грязные щеки и шея, да и тело... Далеко от идеалов чистоты. Под простыней, в которую я замоталась, обнаружили синяки. На шее – след от удувки... Я плохо помнила прошлый день, но в памяти резко выделялись неприятные прикосновения сына старосты и глупая, несправедливая потеря отца. Я должна его найти. Обязательно. Из зеркала на меня смотрел зашуганный зверек. Зеленоглазый.

Пользуясь тем, что хозяин помещения покинул его, скользнула назад и без труда нашла в бесформенной куче с платьем маленькую черную коробочку с линзой. Тихо

всхлипнула и поплелась обратно. Ступни болезненно ударились об пол. Пальцы на ногах распухли от порезов и царапин. И, кажется, в правой пятке что-то застряло...

Вы в столице. Конкретно сейчас в спальне преподавателя Академии Магических Путей. Меня зовут лорд Кантор Нэрт, я захожу в совет Пяти Проводников. Слышали о таком?..

Слова беловолосого мужчины горели в сознании обрывочными лихорадочными воспоминаниями. Лорд Нэрт, значит... Что бы сейчас сказал отец? Заметил ли тот лорд мои глаза?..

Я прикрыла веки. Было темно, он наверняка не успел заметить... закрыла щеколду и сбросила простыню. Гигантская ванна, скорее, напоминала бассейн, а не место для омоложения. Мне, привычной к летним душам или вовсе к баньке, такая роскошь казалась излишней, вычурной и неудобной. Белая плитка только сильнее контрастировала с загорелыми израненными и распухшими ногами.

Оказалось, умывальня сделана именно так, как рассказывал отец. Он частенько, когда приезжал из столицы, скучал по ее удобствам, вспоминая уборные, трубы с горячей и холодной водой и гостиницы, где можно за пару серебряшек получить все вышеперечисленное плюс неплохой ужин и крышу над головой. Папа...

Подавила рыдание, решив сначала привести себя в порядок. Из-за слабости и пережитой лихорадки я с большим тру-

дом забралась в теплую воду. Порезы на теле слегка защипало, но мне оставалось только отмахнуться. Кожа благодарно перестала зудеть, когда мыльный раствор омыл ее.

Что произошло и как я сюда попала? Чем глубже погружалась в воспоминания, тем больше становилось на душе. Сердце забилось в испуганном, заполосном ритме. Я вступила на Тропу! Как же вернуться?.. Нырнула под воду, давая грязи на волосах откиснуть и упасть на дно бассейна.

В теплой невесомости чувства обострились, звук льющейся струи стал громче и пронзительнее. Что там было?.. Я зажмурилась, стараясь вспомнить. Почему-то это было очень важно... Теплая шерсть, рычание. Зверь перегрыз веревку и встал лапами мне на грудь, заставляя сердце забиться, а воду, проникшую в легкие, покинуть их. Черный и прохладный нос. Красное, расплывчатое пятно, исчезнувшее, едва я открыла глаза.

Воздух закончился, и я вынырнула, отплевываясь.

– Эй, с вами все в порядке? – Озабоченный голос лорда раздался из-за двери.

– Д-да... – отозвалась, не глядя хватая бутылку с полочки вдоль бассейна. Свежий, упоительный аромат розовых лепестков растекся по комнате. Но от беловолосого лорда Нэрта пахло вовсе не розами, а хвоей... Значит, в его покоях часто бывают дамы... Возможно, даже одна. Впрочем, это не мое дело.

Я несколько раз намылила волосы, прежде чем почувство-

вала себя достаточно чистой. По телу просто прошла раствором, не прибегая к мочалке. Средство оказалось весьма достойным, сделанным на совесть. Алхимик или аптекарь, стоявший за его созданием, потрудился на славу, и волосы гладкими тонкими прядками растеклись по поверхности воды. В Новом Перепутье я часто пользовалась отваром крапивы для ополаскивания, но здесь... даже и не нужно было. Такими мягкими стали они после розового мыльного средства.

Поднялась, цепляясь за бортик. Перевалилась через него. Купание отняло слишком много сил. К тому же проснулся и желудок, напомнив, что последний раз я нормально ужинала до похода в дом к знахарке... Кажется, двое суток назад. Нерешительно застыла посреди комнаты.

– Возьмите полотенце, оно в ящике. – Словно прочитав мысли, бархатный голос хозяина покоев вывел меня из оцепенения. По инструкции лорда я замоталась в пушистую материю. Зависла возле зеркала. Распахнула черную коробочку и поставила линзу на место. Теперь я ничем не отличалась от обычных людей. Не считая красного кровоподтека на шее и разномастных глаз.

– Я принес вам платье взамен... того... которое пришлось порезать. Простите. Это летний вариант ученической формы. Оставляю возле двери и пойду в гостиную. Там домовые накрыли завтрак. Приглашаю вас присоединиться, леди Виталина Ирнол.

Вскоре за дверью послышались удаляющиеся чеканные шаги. Осторожно высунула голову, убедилась, что угроза в виде незнакомого мужчины миновала, выдохнула и сцапала предложенное. У меня и выбора не было. Не гольшом же идти.

К моему удивлению, в стопке со строгим темным нарядом нашлось и белье. Хлопковое. Пальчики огладили белую ткань, пробежались по простому кружеву вдоль кромки... Нежное и дорогое. Непозволительно. Мы с отцом могли неделю жить на деньги, потраченные только на трусики. А там еще был лиф, тоже хлопковый, с более широкой полоской упругого кружева под грудью и пара чулок. Тонких, летней модели. У нас в Новом Перепутье эта деталь женского гардероба считалась бесполезной. Только зимой носили длинные шерстяные и колючие колготы. Зато тепло. Там уже не до моды, лишь бы не околеть под порывистым ледяным ветром да нос не отморозить, пока за водой идешь. Некоторое время я разбиралась, как облачиться в одежду, и волосы уже начали подсыхать, яркой рыжей волной стекая по плечам. И, будто назло, рыжина только подчеркивала красноватую ссадину на шее, а ворот у платья был не слишком высок и заканчивался под ключицами, лодочкой обрамляя вырез.

– Я жду вас, леди Ирнол. – Откуда-то из комнат донесся бархатный вибрирующий голос хозяина покоев.

Я распахнула дверь, костеря себя на чем свет стоит. Ненавижу мужчин. И боюсь. Не хочу сидеть за одним столом с

тем, кто оправдался якобы моей сонной реакцией. Ни за что не поверю, что могла так сделать! Нервно закусила губу. Бросила коробочку от линз в карман платья. Обязательно верну его лорду, когда разберусь, как дальше жить.

Влекомая показавшимися мне изысканными ароматами, я быстро отыскала трапезную. Светлая чистая комната разительно отличалась от темной спальни с ее плотно закрытыми портьерами окнами. Хозяин позаботился об отсутствии ярких лучей. Либо он сам не любил свет, либо знал, что мои глаза не вынесут его после лихорадки.

Круглый стол на четыре персоны с белоснежной скатертью украшал простой, но сытный завтрак. Свежие ломтики мягкого хлеба и твердый сыр, аккуратными ажурными квадратиками сложенный на тарелке. Несколько вареных яиц, разрезанных вдоль и красующихся яркими солнышками желтков. От кружек исходил ягодный пар, намекая на морс или компот.

Лорд, едва завидев меня, замер с ножом в процессе намазывания масла на кусочек белой булки. Его ледяные глаза скользнули по волосам, платью, задержались на пальцах, нервно сжавших подол.

– Простите, леди Ирнол... Сейчас вы выглядите для меня непривычно. – Он положил нож и встал отодвинуть стул. – Никакой грязи в волосах и засохшей тины на плечах, – закончил приветственную речь лорд, когда я села.

Издевается. По вот этим холодным льдинкам, вставлен-

ным в глазницы лорда вместо привычных глаз, вижу.

Кантор Нэрт на долю мгновения задержался у моего затылка, когда задвигал стул. Мне показалось, что он принохивается, но я отбросила эту мысль как несостоятельную. Зачем бы ему меня нюхать? Он же не собака, в конце концов. Да и... жутко это. Поежилась, и снова мне почудилось, что льдистые глаза ловят каждое движение, хотя и делают вид, что очень заинтересованы хлебом и кусочком масла, оставшимся на нем, когда лорд поднимался.

– Вы помните вчерашний день? Я понимаю, что, возможно, лезу не в свое дело, но мне чрезвычайно хочется узнать, откуда ко мне свалилась юная девушка. Да еще и в такой пикантный момент. – Ловкие руки уже подкладывали еды в тарелку. Лорд отличался отменным аппетитом, потому что на блюде выстроились ровным рядом кусков десять ветчины, столько же сыра и три яйца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.